

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
23 February 2024
Russian
Original: English

**Комиссия Организации Объединенных Наций
по праву международной торговли**
Пятьдесят седьмая сессия
Нью-Йорк, 24 июня — 12 июля 2024 года

Проект руководства по принятию положений по автоматизированному заключению договоров

Записка Секретариата

Содержание

	Стр.
I. О настоящей записке	2
II. Проект руководства по принятию	2

I. О настоящей записке

1. В настоящей записке представлен проект руководства по принятию, дополняющий третий пересмотренный вариант проекта положений по автоматизированному заключению договоров (A/CN.9/1178). Проект руководства подготовлен секретариатом ЮНСИТРАЛ по просьбе Рабочей группы, высказанной на ее шестьдесят шестой сессии (A/CN.9/1162, п. 93).

II. Проект руководства по принятию

A. Введение

1. Цели

2. Автоматизация уже давно рассматривается как инструмент расширения торговли благодаря потенциальным возможностям снижения операционных издержек, повышения эффективности и получения экономических выгод в связи с различными видами торговой деятельности. Качество и доступность данных, а также повышение вычислительной мощности в цифровой экономике привели к разворачиванию автоматизированных систем для поддержки ряда процессов принятия решений, в том числе процессов, которые имеют юридические последствия. Одной из областей, в которых это происходит, является заключение коммерческих договоров.

3. Договоры заключаются путем волеизъявления сторон (например, в форме оферты и акцепта). На протяжении почти 30 лет тексты ЮНСИТРАЛ по электронной торговле позволяют использовать электронные средства для передачи выражения намерения заключить договоры в электронной форме и выполнять другие действия на протяжении всего жизненного цикла договора — практики, которая получила название «электронное заключение договоров». Настоящий [документ] делает следующий шаг, позволяя использовать средства автоматизации, то есть использовать компьютеры для поддержания связи и выполнения других действий без непосредственного вмешательства человека — для электронного заключения договоров.

4. Если при электронном заключении договоров преодолевается физическая дистанция между сторонами, то использование средств автоматизации (т. е. применение компьютеров для взаимодействия без непосредственного вмешательства человека) воссоздает дистанцию иного типа между каждой из сторон и сообщениями и другими действиями, выполняемыми при заключении и исполнении договоров. И хотя электронное заключение договоров обычно предполагает определенную степень автоматизации, усовершенствование и усложнение автоматизированных систем может способствовать увеличению такой дистанции. Это особенно относится к автоматизированным системам, в которых применяются методы, основанные на использовании искусственного интеллекта («ИИ») и которые спроектированы и запрограммированы для работы «автономно», и в данном случае может быть сложно объяснить действия, выполняемые системой («объяснимость»), и отслеживать связь результата таких действий с проявлением воли конкретной стороны («отслеживаемость»). Эта проблема, в свою очередь, порождает вопросы относительно законности использования средств автоматизации для заключения и исполнения договоров и, в более широком смысле, относительно применимости существующего законодательства, особенно норм договорного права.

5. Настоящий [документ] отвечает на эти вопросы, устанавливая правовую основу для автоматизированного заключения договоров. Он призван дополнить законодательство об электронных сделках, в частности законы, основанные на других документах ЮНСИТРАЛ по электронной торговле, а также указать на потенциальные пересечения с другими законами, включая новый свод законов,

регулирующих этическое использование и управление автоматизированными системами, использующими методы ИИ.

6. Настоящий [документ] не направлен на установление полного свода норм в отношении автоматизированного заключения договоров и не затрагивает правовые вопросы, связанные с использованием методов автоматизации и ИИ за пределами договорной практики. Тем не менее концепции и принципы, на которых основан данный [документ], могут служить руководством для государств при решении этих вопросов, в том числе в процессе применения другого законодательства, регулирующего внедоговорные обязательства, или при внедрении стандартов этического использования ИИ, способствуя тем самым обеспечению согласованности правового режима автоматизированных систем. Более того, его основные положения могут служить руководством для сторон договора при определении условий использования автоматизированных систем в их договорных отношениях, в том числе в рамках согласованной основы для осуществления автоматизированных сделок между ними.

2. Основные понятия и принципы

а) Автоматизированное заключение договоров

7. Автоматизированные системы используются в торговле для сделок на протяжении всего жизненного цикла договора, а именно в процессе заключения и исполнения договоров (A/CN.9/1093, п. 57). В ЮНСИТРАЛ эту практику обычно называют «автоматизированным заключением договоров». Другой используемый термин — «заключение договоров на основе алгоритмов», который не только подчеркивает роль программных компонентов в процессе автоматизации, но и предполагает использование алгоритмических процессов, основанных на методах ИИ. Автоматизированное заключение договоров отличается от договоров на поставку автоматизированных систем или товаров и услуг с использованием ИИ (см. A/CN.9/1093, п. 58); в широком смысле речь идет об использовании ИИ и средств автоматизации «для торговли», а не об использовании ИИ и автоматизации «в торговле».

8. Автоматизированное заключение договоров можно рассматривать как электронное заключение договоров (см. п. 3 выше) с более ограниченным вмешательством человека. По сути, это использование автоматизированных систем для подготовки или иной обработки сообщений данных (т. е. «выходных данных» и «входных данных»), которые признаются как сообщения в связи с заключением договоров, например в качестве оферты или акцепта оферты, или как иные действия в связи с исполнением договора. В этом смысле автоматизированное заключение договоров не является новым явлением; эта практика была прямо признана ЮНСИТРАЛ в 2005 году в результате включения статей 12 и 14 в Конвенцию Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (КЭС) 2005 года, а также во внутреннее законодательство ряда юрисдикционных систем еще до этого. Правовые вопросы, связанные с использованием электронного обмена данными (ЭОД) для поддержки автоматизации в договорном контексте, были подняты в ЮНСИТРАЛ в 1990-х годах и рассмотрены в Типовом законе ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (ТЗЭТ) 1996 года¹, а использование машин при заключении договоров наблюдалось гораздо раньше.

9. Ранее работа в рамках ЮНСИТРАЛ по автоматизированному заключению договоров была сосредоточена на двух основных вариантах использования, а именно на договорах на поставку, заключаемых путем обмена электронными

¹ Как отмечается ниже в замечаниях по статье 6, ТЗЭТ содержит положение, касающееся атрибуции сообщений данных, отправленных автоматизированными системами, а в пояснительной записке признается использование компьютеров при заключении договоров: см. *Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле и Руководство по принятию 1996 года с дополнительной статьей 5-бис, принятой в 1998 году* (издание Организации Объединенных Наций в продаже под № R.99.V.4), п. 76.

сообщениями, передаваемыми между компьютерами в результате ЭОД, и на договорах купли-продажи, заключаемых физическим лицом, которое размещает заказ через веб-сайт (взаимодействуя с автоматизированной системой, «поддерживающей» веб-сайт)². Впоследствии внимание было обращено на другие варианты использования договоров, заключаемых с помощью ЭОД или других интернет-технологий, в том числе договоров, заключаемых с помощью «умных» устройств, размещающих заказы через подключенные онлайн-платформы, и договоров, заключаемых интернет-ботами, взаимодействующими с веб-сайтами (например, «боты для веб-скрейпинга» и «боты для покупок»)³. Совсем недавно достижения в области технологий ИИ и внедрение технологии распределенного реестра сделали возможным или популяризировали другие варианты использования, включающие автоматизированные переговорные средства (например, интерактивные «чат-боты»), алгоритмические торговые платформы и «смарт-контракты»⁴.

10. В период разработки [документа] в ЮНСИТРАЛ автоматизированное заключение договоров использовалось главным образом для обычных операций с низким уровнем риска (A/77/17, п. 156) и для сделок, осуществляемых в соответствии с установленными рамками (A/CN.9/1093, п. 66), такими как онлайн-платформы и другие цифровые экосистемы (A/CN.9/1125, п. 55). Тем не менее ожидалось, что в конечном счете будут применяться методы ИИ для поддержки задач, связанных со все более сложными процессами принятия решений, включая разработку новых переговорных стратегий и согласование более сложных договорных условий, что облегчит использование автоматизированного заключения договоров в более широком диапазоне сделок, включая сделки, осуществляемые в отсутствие каких-либо ранее установленных рамок⁵.

б) Основопологающие принципы

11. Чтобы учесть разнообразие существующих вариантов использования автоматизированного заключения договоров, а также инновации в технологии и развитие новой торговой практики, которые, возможно, не были предусмотрены во время разработки [документа], в нем, как и других текстах ЮНСИТРАЛ по электронной торговле, применяется принцип технологической нейтральности. Принцип технологической нейтральности гласит, что законодательство не должно предписывать или поощрять использование какой-либо конкретной технологии или метода, что делает законодательство ориентированным на будущее. В настоящем [документе] этот принцип закреплен в статье 3 [документа] и послужил основой для разработки других положений. В частности, в [документе] намеренно не упоминаются «смарт-контракты», которые обычно ассоциируются с технологией распределенного реестра, а вместо этого в более нейтральных терминах говорится об автоматизации договоров (A/CN.9/1125, п. 34)⁶.

12. В [документе] применяется также принцип недискриминации. В отличие от ТЗЭТ, КЭС и других документов ЮНСИТРАЛ по электронной торговле, настоящий [документ] касается как использования электронных средств (т. е. отсутствия физической формы), так и использования средств автоматизации (т. е. отсутствия вмешательства человека). Таким образом, он избегает применения дифференцированного подхода к заключению договоров, основанного

² Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под номером R.07.V.2), п. 104.

³ A/CN.9/WG.IV/WP.179, п. 9.

⁴ Там же, пп. 11–19. В договорном контексте под «смарт-контрактами» обычно понимаются компьютерные программы, которые можно использовать для (частичной или полной) автоматизации исполнения договора (A/CN.9/1125, пп. 34–35). Они обычно связаны с системами распределенного реестра, где они могут быть развернуты без привязки к договору. Они также могут быть развернуты в других системах, а также вне договорного контекста.

⁵ A/CN.9/WG.IV/WP.179, п. 20.

⁶ О понятии «смарт-контракт» см. сноску 4 выше.

исключительно на использовании автоматизированных систем, и, следовательно, создания двойных режимов, в соответствии с которыми применяются различные правовые требования в зависимости от того, был ли договор заключен и исполнен с участием человека. При этом не предусматривается преференциального режима или требования в отношении использования автоматизированных систем и не исключается применение другого законодательства, которое может устанавливать конкретные требования или ограничения в отношении использования автоматизированных систем, исходя из оснований, относящихся исключительно к автоматизированным системам, например требования в отношении дизайна, ориентированного на человека. Поскольку основное внимание уделяется использованию средств автоматизации, а не использованию электронных средств, [документ] не содержит каких-либо положений, основанных на принципе функциональной эквивалентности, и, следовательно, не направлен на определение функциональных аспектов правовых требований, ориентированных на человека, или предписание способов выполнения таких требований с помощью автоматизированной системы. В процессе разработки [документа] было фактически признано, что автоматизированное заключение договоров не всегда имеет четкий эквивалент в практике «традиционного» заключения договоров на бумажной основе или при личном участии (A/CN.9/1093, п. 71; A/CN.9/1162, п. 13).

13. Еще одним принципом, на котором основывается [документ], является принцип автономии сторон. В контексте автоматизированного заключения договоров принцип автономии сторон обеспечивает соблюдение свободы сторон не только использовать автоматизированные системы в своих договорных отношениях, но и регулировать такое использование по договоренности в пределах императивных норм права. Такое регулирование может обеспечиваться на основе рамочного договора между сторонами (например, соглашения об ЭОД), в котором устанавливаются условия для автоматизированных операций между ними, или в правилах платформы, управляемой третьей стороной, с которыми стороны согласились и которые определяют условия для автоматизированных сделок на такой платформе (A/CN.9/1125, п. 55), и может касаться таких вопросов, как атрибуция, ответственность и раскрытие информации. Таким образом, [документ] направлен на содействие технологическим инновациям и развитию новой торговой практики.

3. История разработки

14. Настоящий [документ] является результатом исследовательской работы секретариата ЮНСИТРАЛ по правовым вопросам, касающимся цифровой экономики, которая проводилась в соответствии с решением Комиссии, принятым в 2018 году на ее пятьдесят первой сессии (Нью-Йорк, 25 июня — 13 июля 2018 года) с учетом предложения правительства Чехии о том, чтобы секретариат следил за развитием событий, касающихся правовых аспектов смарт-контрактов и ИИ (A/CN.9/960)⁷.

15. В 2019 году на пятьдесят второй сессии (Вена, 8–19 июля 2019 года) секретариат проинформировал Комиссию о том, что в ходе его исследовательской работы был выявлен ряд направлений изучения, по которым могут быть разработаны более конкретные предложения для рассмотрения, включая юридическую действительность действий, осуществляемых системами ИИ, и соответствующую ответственность⁸. Комиссия просила секретариат подготовить план работы для решения конкретных правовых вопросов, выявленных в ходе его исследовательской работы, включая рекомендации как в отношении их отражения в существующих документах, так и в отношении разработки конкретных новых документов, если это необходимо⁹. В этой связи было подчеркнуто, что такая

⁷ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семьдесят третья сессия, Дополнение № 17 (A/73/17)*, п. 253(b).

⁸ Там же, *семьдесят четвертая сессия, Дополнение № 17 (A/74/17)*, п. 209.

⁹ Там же, п. 211.

исследовательская работа должна быть направлена в первую очередь на устранение правовых препятствий и что в любой будущей работе следует «соблюдать принцип технологической нейтральности и что эта работа должна быть ориентирована на будущее и быть направлена на преодоление разрушительного воздействия новых технологий на коммерческие сделки»¹⁰.

16. В 2020 году на своей возобновленной пятьдесят третьей сессии (Вена, 14–18 сентября 2020 года) Комиссия получила от секретариата доклад о ходе работы, в котором был предложен план работы по решению правовых вопросов, выявленных в ходе его исследовательской работы (A/CN.9/1012). Среди прочего, в качестве темы подготовительной работы для подготовки нового законодательного текста в плане работы было выделено использование ИИ и автоматизированных систем при согласовании, заключении и исполнении договоров. В Комиссии была выражена широкая поддержка продолжению работы в соответствии с этим планом работы, при этом был поднят ряд вопросов в целях углубления этой работы. Комиссия, в частности, просила секретариат организовать коллоквиумы для уточнения тем, перечисленных в плане работы, и подготовить конкретные предложения по нормотворческой деятельности для рассмотрения Комиссией на ее следующей сессии в 2021 году¹¹.

17. В 2021 году секретариат созвал совещание группы экспертов (Вена, 8–9 марта 2021 года) для проведения консультаций по предложению в отношении проведения законодательной работы по ИИ и автоматизированному заключению договоров. Комиссия рассмотрела это предложение (A/CN.9/1065) на своей пятьдесят четвертой сессии (Вена, 28 июня — 16 июля 2021 года), на которой была выражена широкая поддержка предложению передать определенные в нем вопросы на рассмотрение Рабочей группе IV ЮНСИТРАЛ. Комиссия поручила Рабочей группе, которая в то время завершала работу по теме использования и трансграничного признания управления идентификационными данными и удостоверительных услуг, провести «предметное концептуальное обсуждение» в целях уточнения сферы охвата и характера работы, которую предстоит проделать¹².

18. Такое обсуждение было проведено в ходе шестьдесят третьей сессии Рабочей группы (Нью-Йорк, 4–8 апреля 2022 года), и основное внимание было уделено различию между автоматизированными системами и системами ИИ, а также концепции «автоматизированного заключения договоров» (A/CN.9/1093, пп. 49–59). Рабочая группа также обменялась предварительными мнениями о применимости основных положений и основополагающих принципов ТЗЭТ, КЭС и других текстов ЮНСИТРАЛ об электронной торговле к автоматизированному заключению договоров, а также о правовых вопросах, которые необходимо решить в ходе будущей работы (там же, пп. 49–76). Итоги этого обсуждения были рассмотрены Комиссией на ее пятьдесят пятой сессии (Нью-Йорк, 27 июня — 15 июля 2022 года), на которой была выражена широкая поддержка продолжению Рабочей группой работы над этой темой и поэтапному проведению такой работы на основе обзора деловой практики и вариантов использования¹³. В связи с этим Комиссия просила Рабочую группу рассмотреть эту тему в два этапа: а) на первом этапе подготовить подборку положений текстов ЮНСИТРАЛ, применимых к использованию автоматизированных систем при заключении договоров, и при необходимости пересмотреть эти положения; и б) на втором этапе определить и разработать возможные новые положения, затрагивающие более широкий круг вопросов¹⁴.

19. На своей шестьдесят четвертой сессии (Вена, 31 октября — 4 ноября 2022 года) Рабочая группа приступила к процессу выделения «принципов» из

¹⁰ Там же, п. 210.

¹¹ Там же, *семьдесят пятая сессия, Дополнение № 17 (A/75/17)*, часть вторая, п. 76.

¹² Там же, *семьдесят шестая сессия, Дополнение № 17 (A/76/17)*, пп. 25(е) и 236.

¹³ Там же, *семьдесят седьмая сессия, Дополнение № 17 (A/77/17)*, пп. 156–159.

¹⁴ Там же, п. 159.

существующих текстов ЮНСИТРАЛ и разработки дополнительных принципов по правовым вопросам, которые не полностью рассмотрены в этих текстах, исходя из того, что такие принципы могут в конечном счете послужить основой для разработки законодательных положений об автоматизированном заключении договоров (A/CN.9/1125, п. 16). Перед завершением сессии Рабочая группа сформулировала свод проектов принципов, касающихся юридического признания договоров, заключенных или исполненных с использованием автоматизированной системы, соответствия автоматизированных систем применимому законодательству и атрибуции результатов работы автоматизированных систем (A/CN.9/1125, пп. 62–90), и просил секретариат продолжить разработку свода принципов с целью выдвижения предложений в отношении дополнительных принципов по другим правовым вопросам, рассмотренным в ходе сессии.

20. На основе предложения, выдвинутого в рамках Рабочей группы, секретариат провел в сотрудничестве с Институтом европейского права межсессионное мероприятие (Вена, 17 января 2023 года) для изучения этих вопросов с участием субъектов, занимающихся проектированием, эксплуатацией и использованием автоматизированных систем. На своей шестьдесят пятой сессии (Нью-Йорк, 10–14 апреля 2023 года) Рабочая группа рассмотрела первый пересмотренный вариант принципов, который основывался на ключевых выводах межсессионного мероприятия и который включал новые принципы, касающиеся намерений и ответственности (A/CN.9/1132, пп. 52–85)¹⁵. На своей шестьдесят шестой сессии (Вена, 16–20 октября 2023 года) Рабочая группа рассмотрела второй пересмотренный вариант принципов (A/CN.9/1162, пп. 11–58) и просила секретариат пересмотреть эти принципы и переработать их в типовые законодательные положения (там же, пп. 90–93).

4. Методы введения в действие

21. Как отмечалось выше (п. 8), автоматизированное заключение договоров по существу представляет собой форму электронного заключения договоров с более ограниченным вмешательством человека. Таким образом, нормативно-правовая база для автоматизированного заключения договоров опирается на нормативно-правовую базу в отношении электронного заключения договоров. Положения настоящего [документа] призваны дополнить законодательство, обеспечивающее такую нормативно-правовую базу, в частности законы об электронных сделках, которые основаны на положениях первой части ТЗЭТ и основных положениях КЭС или разработаны под их влиянием. Настоящий [документ] не преследует цели воспроизвести эти положения, чтобы не повлиять на статус обоих текстов. В связи с этим следует отметить, что на момент составления настоящего текста ТЗЭТ был принят более чем в 80 государствах и служит глобальным стандартом для законодательства об электронных сделках, в то время как КЭС установила международный договорный режим в отношении международных контрактов, который применяется государствами-участниками различными способами, характерными для каждого отдельного государства.

22. Для государств, которые приняли законодательство на основе ТЗЭТ (с основными положениями КЭС или без них), положения настоящего [документа] могут быть введены в действие путем дополнения закона, вводящего в действие ТЗЭТ. Для государств, являющихся участниками КЭС, которые уже несут обязательства в отношении юридического признания договоров, заключенных с использованием автоматизированной системы, положения настоящего [документа] могут быть приняты как часть более общего законодательства, которое разрешает использование электронного заключения договоров и которое обеспечивает применение материальных положений КЭС в отношении внутренних договоров (если этого еще не сделано).

¹⁵ Информация о межсессионном мероприятии, включая его ключевые выводы, была представлена Рабочей группе в документе A/CN.9/WG.IV/WP.179.

В. Постатейные замечания

1. Статья 1. Определения

а) Определение термина «автоматизированная система» (пункты 1(а) и 2)

23. В пункте 1(а) статьи 1 содержится определение понятия «автоматизированная система». Оно основано на определении понятия «автоматизированная система сообщений» в статье 4(g) КЭС и призвано соответствовать этому определению, которое по-прежнему пригодно для описания систем, используемых для автоматизированного заключения договоров (A/CN.9/1093, п. 53). Использование в этом определении термина «компьютерная система» разъясняет, что [документ] касается систем, которые предполагают выполнение компьютерных программ (в частности, программ, которые применяют алгоритмы для достижения заранее определенных задач или целей), и подтверждает, что автоматизированная система может включать компоненты программного обеспечения (т.е. компьютерные программы) и аппаратные компоненты (например, оборудование) (A/CN.9/1132, п. 58(a)).

24. Как и в других текстах ЮНСИТРАЛ¹⁶, в [документе] говорится об автоматизированных системах, выполняющих «действия». Термин «действие» используется в определении — и в других положениях [документа] — в общем, нейтральном смысле для обозначения любой операции, выполняемой автоматизированной системой, на которую сторона может пожелать положиться при заключении договора. Действие не обязательно должно быть связано с каким-либо физическим или юридическим актом¹⁷ или иметь какой-либо физический эквивалент при заключении договора на бумажной основе или при личном участии. Действие обычно представляет собой выходные данные, генерированные системой, но также может состоять из входных данных, обрабатываемых системой (например, действие, приписываемое какому-либо лицу, взаимодействующему с системой). Вопрос о том, являются ли конкретные выходные или входные данные действием, в [документе] не рассматривается и должен регулироваться в соответствии с другим законодательством.

25. Используемые в определении слова «просмотра или вмешательства» взяты непосредственно из определения понятия «автоматизированная система сообщений» в статье 4(g) КЭС. Содержащееся в определении требование о том, чтобы такой просмотр или вмешательство были «необходимыми», призвано исключить предположение, что автоматизированная система перестает соответствовать этому определению лишь на том основании, что система нуждается в контроле со стороны человека (A/CN.9/1132, пп. 58(b) и 60). [Документ] сам по себе не устанавливает какого-либо требования в отношении контроля за автоматизированной системой со стороны человека, которое может быть установлено нормативными актами, определяющими стандарты этического использования ИИ и упомянутыми в пункте 2 статьи 2 (см. п. 33 ниже).

26. Определение понятия «автоматизированная система» следует читать вместе с пунктом 2 статьи 1, в котором говорится, что автоматизированная система «может быть запрограммирована для работы детерминированным или недетерминированным образом». Термин «детерминированный» предназначен для обозначения системы, которая всегда генерирует одни и те же выходные данные при одних и тех же входных данных и которую можно также назвать «системой, основанной на правилах» (A/CN.9/1093, п. 55). И наоборот, можно утверждать, что «недетерминированная» система работает «стохастически» (там же), генерируя выходные данные, которые нельзя предсказать в каждом конкретном случае, но можно предсказать в пределах диапазона вероятностей. Таким образом, в пункте 2 разъясняется, что термин «автоматизированная система» охватывает не только системы ИИ — а, точнее, «слабые» системы ИИ, которые признаны в теории и

¹⁶ См., например, статьи 4(g) и 12 КЭС.

¹⁷ A/CN.9/WG.IV/WP.179, п. 17(b).

развернуты на практике (A/CN.9/1132, п. 55), — но и более «простые» системы, которые обычно не описываются как демонстрирующие «интеллектуальность». В этом пункте также уточняется, что автоматизированная система может включать компоненты, работающие детерминированным образом, и компоненты, работающие недетерминированным образом (A/CN.9/1132, п. 60).

27. Пункт 2 обеспечивает баланс между технологической нейтральностью и признанием ключевой особенности, которая отличает систему ИИ от других автоматизированных систем, а именно предсказуемости ее работы (A/CN.9/1093, п. 55; A/CN.9/1125, п. 28; A/CN.9/1162, п. 16(b)). Иными словами, вместо того, чтобы просто выполнять заранее определенные задачи, системы ИИ используют методы, которые совершенствуют процесс выполнения этих задач и позволяют выполнять новые задачи в соответствии с заранее определенными целями. Такие системы иногда называют «автономными» (A/CN.9/1125, п. 28), хотя в [документе] намеренно не используется этот термин, чтобы избежать предположения, что они обладают независимой волей.

b) Определение термина «сообщение данных» (пункт 1(b))

28. В пункте 1(b) статьи 1 воспроизводится определение термина «сообщение данных», которое используется в других текстах ЮНСИТРАЛ. Как отмечалось выше (п. 8), [документ] рассматривает автоматизированное заключение договоров как использование автоматизированных систем для подготовки или иной обработки сообщений данных (т. е. выходных данных), которые представляют собой действия, связанные с заключением или исполнением договора. В соответствии с использованием этого термина в других текстах ЮНСИТРАЛ, сообщения данных могут представлять собой условия договора или какое-либо сообщение в связи с договором, как отдельно, так и вместе с другими сообщениями данных, которые логически присоединены или связаны иным образом.

2. Статья 2. Сфера применения

a) Вопросы, входящие в сферу применения (пункт 2(1))

29. Пункт 1 статьи 2 разъясняет сферу применения [документа] и показывает, как автоматизированные системы используются для заключения и исполнения договоров.

30. Термины «заключение» и «исполнение» предназначены для охвата различных этапов жизненного цикла договора. В соответствии с подходом, принятым в КЭС, понятие «заключение» включает преддоговорные переговоры и заключение договора, тогда как понятие «исполнение» включает неисполнение, изменение условий договора и осуществление прав, вытекающих из договора, включая прекращение договора и другие средства «самозащиты» (A/CN.9/1132, пп. 61 и 64). Понятие «исполнение» может охватывать инициирование процедуры урегулирования споров, предусмотренной договором, но не должно распространяться на весь процесс урегулирования споров, который выходит за рамки данного определения (там же, пп. 62–64).

31. Обычно термин «обработка» является всеобъемлющим термином, который относится к целому ряду операций, выполняемых автоматизированной системой, включая подготовку или отправление сообщений данных (т. е. выходных данных) и получение сообщений данных (т. е. входных данных). При описании того, как автоматизированные системы используются для заключения и исполнения договоров, в пункте 1 целенаправленно упоминается «подготовка» сообщений данных для признания того, что выходные данные детерминированных систем не обязательно могут коррелировать с входными данными, обрабатываемыми системой (A/CN.9/1162, п. 17(a)).

32. В статье 2 не указываются виды договоров или сделок, к которым применяется [документ]. В процессе разработки [документа] было признано, что автоматизированное заключение договоров наиболее широко применяется в

потребительских сделок и в торговле финансовыми инструментами (обычно именуемой «высокочастотная торговля») (A/CN.9/1093, пп. 65–66; A/CN.9/1125, п. 14). Основные положения [документа] применяются в установленном в нем порядке к потребительским сделкам и высокочастотной торговле с учетом любого другого законодательства (например, законодательства о защите прав потребителей и нормативных актов в отношении финансового рынка), которое может ограничивать, запрещать или иным образом регулировать использование автоматизированных систем для осуществления таких сделок и применение которого подтверждается пунктом 2 статьи 2. Кроме того, как отмечалось выше (п. 5), [документ] призван дополнить законодательство об электронных сделках, в частности законы, основанные на других документах ЮНСИТРАЛ по электронной торговле, и в этом случае его основные положения обычно будут учитывать любые ограничения, предусмотренные в этом законодательстве¹⁸.

b) Вопросы, выходящие за рамки сферы применения (пункт 2(2))

33. Пункт 2 статьи 2 основан на статье 2(4) Типового закона ЮНСИТРАЛ об использовании и трансграничном признании управления идентификационными данными и удостоверительных услуг 2022 года и действует как положение о «преимущественной силе» в случае коллизии положений [документа] с другим законодательством. Он предназначен в первую очередь для подтверждения применения законодательства, регулирующего вопросы этического использования и управления ИИ. Такое законодательство может ограничивать, запрещать или иным образом регулировать использование определенных методов в системах ИИ или использование систем ИИ в отношении определенных сделок, а также может обязывать лицо, использующее систему ИИ для конкретной сделки, раскрывать информацию, касающуюся использования или функционирования такой системы. Пункт 2 может охватывать также законодательство, регулирующее автоматизированную обработку персональных данных, а также законодательство, регулирующее сделки с потребителями или другими более слабыми сторонами.

3. Статья 3. Технологическая нейтральность

34. Статья 3 подтверждает принцип технологической нейтральности применительно к автоматизированным системам, используемым для заключения договоров, и усиливает технологически нейтральное определение термина «автоматизированная система». Это не исключает применения другого законодательства, требующего использования (или неиспользования) определенного метода при работе автоматизированных систем (см. замечания по статье 2(2) в п. 33 выше). Термин «метод» используется в других текстах ЮНСИТРАЛ и охватывает различные технологии и методы, используемые автоматизированными системами, в том числе связанными с ИИ¹⁹.

4. Статья 4. Юридическое признание автоматизированного заключения договоров

35. В статье 4 изложен ряд положений о недискриминации с использованием формулировки, которая стала стандартной в текстах ЮНСИТРАЛ по электронной торговле. Она касается действительности и исковой силы договоров, заключенных или исполняемых с использованием автоматизированных систем, а также юридических последствий действий, совершаемых в связи с такими договорами. Это позволяет подчеркнуть, что использование автоматизированной

¹⁸ Например, сноска ** к статье 1 ТЗЭТ предусматривает, что принимающее ТЗЭТ государство может прямо подтвердить отсутствие преимущественной силы по отношению к «любым нормам права, предназначенным для защиты потребителей».

¹⁹ См., например, *Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях и Руководство по принятию 2001 года* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.02.V.8), п. 107; *Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.17.V.5), п. 122.

системы не исключает применения норм договорного права, касающихся заключения и исполнения договоров, что подкрепляется статьей 9.

36. Статья 4 не касается правомерности содержания конкретного сообщения данных и не исключает применения другого законодательства, которое может лишать юридической силы, действительности или исковой силы на других основаниях (например, договорное требование в отношении совершения действия с участием человека), или другого законодательства, которое может ограничивать, запрещать или иным образом регулировать использование автоматизированных систем (включая законодательство, охватываемое статьей 2(2)). Она скорее направлена на преодоление препятствий для применения существующих законодательных требований к договорам, заключаемым и исполняемым с использованием автоматизированной системы. Таким образом, статья 4 дополняет статью 11 ТЗЭТ (и статью 8 КЭС); если статья 11 ТЗЭТ обеспечивает юридическое признание договоров и договорных действий в форме сообщений данных, то статья 4 настоящего [документа] обеспечивает такое юридическое признание в тех случаях, когда заключение договора или выполнение действия осуществляется без вмешательства человека.

37. Статья 4 уточняет и расширяет правило, изложенное в статье 12 КЭС. Как и статья 12 КЭС, пункт 1 статьи 4 применяется к договорам, заключаемым в результате взаимодействия автоматизированной системы и физического лица, а также к договорам, заключаемым в результате взаимодействия автоматизированных систем. Статья 4 не предполагает, что автоматизированная система управляется одной из сторон, и поэтому в равной степени применяется к договорам, заключенным с использованием автоматизированной системы, управляемой третьей стороной. В этом случае правило об атрибуции, изложенное в статье 6(1), будет иметь особое значение при определении сторон договора.

38. Статья 4 применяется также к действиям, которые осуществляются автоматизированными системами в связи с заключением или исполнением договора. Термин «действие», обсуждавшийся выше (п. 24), охватывает «сообщение» по смыслу КЭС (т. е. «любое заявление, декларацию, требование, уведомление или просьбу, включая оферту и акцепт оферты») или другой результат процесса принятия решений, для которого в договорном контексте может использоваться автоматизированная система. Действие «в связи» с исполнением договора охватывает не только сообщения или иные действия, предусмотренные договором, но также осуществление прав по договору и средства правовой защиты, предусмотренные договором или разрешенные законодательством вне рамок договора (A/CN.9/1132, п. 61). Соответственно, статья 4 обеспечивает юридическое признание «отклонения» требования по договору в отношении страхования или «указания» места, времени, предмета или суммы по договору купли-продажи товара, которое подготовлено и отправлено автоматизированной системой. В статье 4 намеренно не используется термин «решение», чтобы избежать предположения, что автоматизированные системы обладают независимой волей, способной «принимать» решения (в отличие от подготовки результатов процесса принятия решений, осуществляемого лицом, принимающим решения).

39. В некоторых правовых системах использование автоматизированной системы для исполнения договора может рассматриваться как следствие применения принципа автономии сторон, и поэтому положение о юридическом признании такого использования может быть сочтено ненужным. Тем не менее в других правовых системах такое положение может потребоваться. По этой причине статья 4 применяется не только к действиям, совершаемым в связи с заключением договоров, но также и к действиям, совершаемым в связи с исполнением договоров.

5. Статья 5. Юридическое признание договоров в компьютерном коде или с использованием динамичной информации

40. В статье 5 рассматриваются два вопроса, которые не являются характерными исключительно для автоматизированного заключения договоров, но которые рассматриваются в правовой доктрине некоторых правовых систем как вопросы, имеющие особое значение для договоров, заключаемых или исполняемых автоматизированными системами.

41. Пункт 1 касается договоров, условия которых выражены (полностью или частично) в компьютерном коде. Компьютерное кодирование преобразует действия в машиночитаемые инструкции, которые могут быть выполнены автоматизированными системами. Таким образом, договоры в форме компьютерного кода поддаются автоматизированному исполнению без дополнительного вмешательства человека и иногда описываются — способом, который может породить путаницу в некоторых правовых системах — как «самоисполняющиеся». Тем не менее это не означает, что компьютерный код, выполняемый автоматизированной системой для исполнения договора, всегда будет выражать условия договора. Во многих случаях такой код просто отражает действия, совершаемые для исполнения договора, условия которого выражены в другом месте, и в этом случае пункт 1 не подлежит применению.

42. Компьютерный код представляет собой один из видов сообщения данных, как оно определяется в пункте 1(b) статьи 1. В некоторых правовых системах договоры в форме компьютерного кода уже могут охватываться законами, которые обеспечивают юридическое признание договоров в электронной форме (т. е. заключенных на основе сообщений данных), включая законы, вводящие в действие статью 11 ТЗЭТ. Тем не менее в ходе анализа «смарт-контрактов» в правовой доктрине возникают вопросы о возможности юридического признания и придания смысла договорам в форме компьютерного кода, поскольку их условия не выражены обычным языком и не доступны физическим лицам (в смысле читаемости и толкования человеком). Пункт 1 призван уточнить, что юридическое признание договоров в электронной форме распространяется и на договоры в форме компьютерного кода. В то же время он не предназначен для замены правил доказывания или другого законодательства, касающегося определения и толкования условий договора.

43. В пункте 2 речь идет о договорах, заключение или исполнение которых предполагает использование динамичной информации (см. [A/CN.9/1125](#), пп. 22 и 84; [A/CN.9/1162](#), пп. 27–45). Динамичная информация — это информация из источника данных, которая периодически или постоянно меняется (например, информация о рыночной цене или местонахождении какого-либо объекта). В контексте автоматизированного заключения договоров динамичная информация имеет особое значение, поскольку она может составлять часть условий договора (т. е. условий, которые периодически или постоянно меняются) или инициировать автоматизированное действие, совершаемое для исполнения договора ([A/CN.9/1162](#), п. 22). В подпункте (а) пункта 2 рассматривается первый вопрос, который касается включения условий, тогда как в подпункте (b) рассматривается второй вопрос, который касается действий, осуществляемых на основе динамичной информации, которая не обязательно должна составлять часть условий договора.

44. Понятия и терминология, используемые в пункте 2, основаны на статье 5-бис ТЗЭТ (которая касается включения информации в сообщение данных путем ссылки), статье 13 КЭС (которая касается условий договора в форме сообщений данных) и статье 6 Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях (ТЗЭПЗ) 2017 года (которая касается включения дополнительной информации в электронную запись)²⁰. Подпункт (а) не исключает

²⁰ В пояснительной записке к ТЗЭПЗ указано, что такая дополнительная информация может состоять из динамичной информации, т. е. «сведений, которые могут периодически

применения другого законодательства, которое может не признавать действительность или исковую силу договора, содержащего динамичную информацию, на других основаниях (например, юридические требования, касающиеся включения и определенности условий).

6. Статья 6. Атрибуция действий, выполняемых автоматизированными системами

45. Статья 6 касается атрибуции действий, совершаемых автоматизированными системами (т. е. выходных данных автоматизированных систем).

46. Термин «атрибуция» может иметь разные значения даже в контексте электронных операций. Например, статья 13 ТЗЭТ содержит правила атрибуции сообщений данных, которые подлежат применению «в том случае, если возникает вопрос о том, действительно ли сообщение данных было направлено лицом, указанным в качестве составителя»²¹. Эти правила касаются привязки сообщения данных данному лицу, а не какому-либо другому лицу (например, лицу, действующему под руководством составителя, или лицу, обманным путем выдающему себя за предполагаемого составителя). Поэтому статья 13(2) содержит правило, приписывающее сообщение данных, отправленное другим лицом, уполномоченным действовать от имени составителя, тогда как статья 13(3) предоставляет стороне электронной сделки право считать, что сообщение данных было отправлено составителем, даже если фактически доказано, что сообщение было отправлено другим неуполномоченным лицом. Хотя правила, изложенные в статье 13 ТЗЭТ, не затрагивают вопросов ответственности за сообщения данных, они распределяют риск между сторонами электронной сделки и, таким образом, в определенной степени затрагивают вопросы материального права.

47. В отличие от этого, понятие «атрибуции» в статье 6 связано с привязкой результатов работы автоматизированной системы к какому-либо лицу без учета самой системы (A/CN.9/1125, п. 44). Иными словами, оно связано с идентификацией лица, «стоящего за» таким результатом. Оно не связано с распределением ответственности за эти результаты (т. е. правовыми последствиями, вытекающими из таких результатов) или аутентификацией (т. е. проверкой того, что сообщение данных, обработанное автоматизированной системой, было подготовлено или отправлено определенным лицом или объектом, связанным с системой). Статья 6 не предназначена для рассмотрения вопросов материального права (A/CN.9/1132, п. 69).

48. Таким образом, статья 6 имеет ограниченную сферу применения. Тем не менее она подтверждает важный элемент в создании нормативно-правовой базы для использования ИИ и средств автоматизации при заключении договоров (см. A/CN.9/1132, п. 69), который заключается в том, что автоматизированные системы являются инструментами, не имеющими независимой воли или правосубъектности, и что результаты работы автоматизированных систем должны приписываться определенным лицам, а не самой системе (A/CN.9/1125, п. 28; A/CN.9/1162, п. 28). Привязка результатов автоматизированной системы к физическому или юридическому лицу не является новой концепцией и не является уникальной для договорного контекста. Например, в контексте интеллектуальной собственности для установления авторства или изобретательства физического или юридического лица обычно требуется привязать выходные данные, подготовленные системой ИИ, к физическим или юридическим лицам (хотя в ходе анализа иногда затрагиваются вопросы, связанные с творчеством, изобретательностью и другими соображениями, характерными только для контекста ИС).

или постоянно меняться в зависимости от внешнего источника»: *Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях*, сноска 18 выше, п. 58.

²¹ См. *Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле и Руководство по принятию 1996 года с дополнительной статьей 5-бис, принятой в 1998 году*, сноска 1 выше, п. 83.

49. Статья 6 основана на подходе к атрибуции, который отражен в более ранних текстах ЮНСИТРАЛ. Эти тексты основаны на парадигме, согласно которой автоматизированные системы «запрограммированы» или «эксплуатируются» одной или обеими сторонами договора или от их имени²². В отличие от этого, статья 6 основана на парадигме, согласно которой стороны используют также системы, которые эксплуатируются третьими сторонами, в проектировании и вводе в эксплуатацию которых могут участвовать другие субъекты и в отношении которых стороны обладают лишь ограниченным контролем за процессом программирования или эксплуатации (A/CN.9/1125, п. 30; A/CN.9/1162, пп. 33–34).

50. Пункт 1 статьи 6 устанавливает основное правило, согласно которому атрибуция результатов работы автоматизированной системы производится в порядке, согласованном сторонами, независимо от того, выражено ли это соглашение в рамочном договоре между сторонами или в правилах платформы, управляемой третьей стороной, с которыми обе стороны согласились для использования автоматизированной системы, эксплуатируемой через эту платформу. Опираясь на терминологию статьи 13(3) ТЗЭТ, это правило подтверждает принцип автономии сторон. Термин «в порядке» призван охватывать «методы», как этот термин понимается в других документах ЮНСИТРАЛ по электронной торговле (A/CN.9/1162, п. 38).

51. Пункт 2 статьи 6 устанавливает резервное правило, которое применяется в случае отсутствия какого-либо согласованного порядка. Понятие «использования» автоматизированной системы для «цели» совершения определенного действия предполагает определенную осведомленность или ожидание стороны, использующей систему, относительно того, как она работает, а также определенную степень контроля над операционными параметрами системы в связи с ее использованием для заключения и исполнения договоров (A/CN.9/1125, пп. 42–46; A/CN.9/1162, п. 40). Пункт 2 не затрагивает вопроса о том, характеризуется ли лицо как «оператор» системы, которым может выступать третья сторона, являющаяся оператором платформы и предлагающая использовать автоматизированную систему в качестве услуги, а также не затрагивает вопроса о том, действует ли это лицо от своего имени или от имени другого лица. Статья 6 не предназначена для замены агентского права (A/CN.9/1132, пп. 68–69).

52. Пункт 3 статьи 6 усиливает разграничение атрибуции и ответственности и подтверждает, что правила атрибуции не касаются вопросов распределения ответственности за результаты работы автоматизированных систем (см. п. 47 выше). В то же время он не отрицает наличия связи между атрибуцией и ответственностью, поскольку применение правил атрибуции, предусмотренных в статье 5, обычно является предварительным шагом к применению правил об ответственности согласно другому законодательству (A/CN.9/1162, п. 28).

7. Статья 7. Намерение, знание и осведомленность сторон в отношении действий автоматизированных систем

53. Намерения сторон играют важную роль в нормах договорного права. Помимо выражения воли (или намерения) сторон, эти нормы могут требовать наличия знания или осведомленности стороны в отношении действий, совершаемых при заключении или исполнении договора. В контексте автоматического заключения договоров могут возникать вопросы о том, как определить, каковы намерения или знание стороны в отношении действий, которые выполняются без просмотра или вмешательства со стороны человека автоматизированной системой, не имеющей независимой воли или собственного «разума».

54. Цель статьи 7 состоит в том, чтобы сформулировать рекомендации относительно применения таких норм путем определения факторов, которые могут

²² ТЗЭТ, статья 13(2)(b); Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах, сноска 2 выше, п. 213.

иметь значение при оценке намерений того или иного лица, а именно: структура, ввод в эксплуатацию и функционирование автоматизированной системы (A/CN.9/1132, пп. 73–74). Тем самым данная статья посылает важный сигнал о том, что использование автоматизированной системы не исключает применения этих норм. Она отражает подход, который взят из правовой доктрины в отношении использования автоматизированных средств при заключении договоров и согласно которому намерение лица в отношении действий, выполняемых автоматизированной системой, может проявляться в структуре системы (например, в том, как она запрограммирована) и обстоятельствах, при которых она вводится в эксплуатацию. В статье 7 также используется термин «ввод в эксплуатацию» автоматизированных систем, который призван охватывать выбор конфигурации, обучение, тестирование и настройку системы (A/CN.9/1162, п. 47). Статья 7 предназначена для того, чтобы определить, должно ли намерение определяться субъективно (например, что данное лицо на самом деле намеревается или знает) или объективно (например, что данное лицо якобы намеревается или знает).

55. Как и статья 6, статья 7 имеет ограниченную сферу применения. Она не затрагивает вопроса об идентификации лица, намерение которого необходимо установить. Более того, она не предназначена для замены правил доказывания или любого другого законодательства, касающегося определения вопросов права или факта, что ясно выражено словами «если в законодательстве не предусмотрено иное». Она не касается также требований в отношении раскрытия информации о структуре, вводе в эксплуатацию или функционировании автоматизированной системы (A/CN.9/1132, п. 76).

56. Статья 7 касается вопроса о намерении определенного лица в отношении действия, выполняемого автоматизированной системой. Таким лицом может быть лицо, которому приписано данное действие, или же другое лицо (например, получатель сообщения, подготовленного автоматизированной системой). Статья 7 не заходит настолько далеко, чтобы вменять лицу наличие знания или осведомленности об информации, содержащейся в сообщениях данных, обрабатываемых автоматизированной системой.

8. Статья 8. Неожиданные действия, выполняемые автоматизированными системами

57. Ранее в процессе разработки [документа] предлагалось включить рекомендации относительно ситуаций, в которых при использовании автоматизированных систем могут произойти сбои (A/CN.9/1125, п. 33; A/CN.9/1132, п. 78). В ходе работы было признано, что на автоматизированные системы могут влиять ошибки в программировании, ошибки при передаче данных и вмешательство третьих сторон, способные повлиять на сообщения данных, которые подготавливаются и обрабатываются системой; однако было признано также, что подобные ситуации возникают в равной степени в контексте электронного заключения договоров и не создают каких-либо новых правовых проблем в контексте автоматизированного заключения договоров (A/CN.9/1162, п. 52).

58. Статья 8 касается вопроса, характерного именно для автоматизированного заключения договоров, в частности для применения автоматизированных систем, использующих методы ИИ, а именно результатов, которые, проще говоря, можно было бы назвать «непрогнозируемыми» или «непреднамеренными» (A/CN.9/1125, п. 37; A/CN.9/1132, п. 79). Она касается не «ошибок при вводе данных», допущенных человеком при взаимодействии с автоматизированной системой, о которых говорится в статье 14 ЕСС, или ситуаций, связанных с неисправностью системы, а скорее ситуаций, в которых система работает должным образом. Вопрос, рассматриваемый в статье 8, вызвал особый интерес в правовой доктрине в контексте заключения договора (в той степени, в которой неожиданные результаты могут вообще отрицать наличие договора), однако он возникает также и в контексте исполнения договора.

59. В принципе, сторона, использующая автоматизированную систему для заключения договора, несет риск, связанный с результатами работы этой системы. Пункт 1 статьи 8 направлен на смягчение этого принципа в отношении неожиданных результатов, позволяя стороне дезавуировать результаты при определенных обстоятельствах и, таким образом, избежать юридических последствий таких результатов, которые могут возникнуть в соответствии с другим законодательством. Она основана на подходе, который уже использовался при подготовке КЭС и согласно которому сторона не должна нести риск, связанный с сообщениями данных, которые генерируются от ее имени автоматизированной системой таким образом, который сторона не могла разумно предвидеть²³. Поэтому при распределении риска пункт 1 опирается на понятия разумных ожиданий и честной деловой практики.

60. Пункт 1 статьи 8 по существу касается конкретного носителя; он применим только к автоматизированным договорам. По существу, он предполагает отступление от подхода, обычно применяемого в текстах ЮНСИТРАЛ по электронной торговле, который призван обеспечить, чтобы к заключению договора применялось одно и то же материальное право, независимо от носителя, что позволяет избежать создания двойных режимов (см. п. 12 выше). Как и статья 14 КЭС, статья 8 касается вопросов материального права, но по узко определенному вопросу, который характерен именно для автоматизированного заключения договоров (A/CN.9/1132, п. 80), и вполне может привести к тому же результату, что и применение другого законодательства, включая законодательство, упомянутое в пункте 2(a).

61. В пункте 2 уточняется ограниченная сфера применения пункта 1. Подпункт (a) предусматривает, что пункт 1 не исключает применения решений по исправлению затронутых операций в соответствии с другим законодательством, например нормами права, позволяющими расторгнуть договор в случае ошибки или оправдать неисполнение в случае форс-мажорных обстоятельств или в соответствии с согласованными рамками, например правилами, регулирующими операции на высокочастотных торговых платформах (A/CN.9/1132, п. 79). В соответствии с принципом автономии сторон подпункт (a) подтверждает также любое согласованное сторонами распределение риска, связанного с операциями, на которые повлияла ошибка.

62. Подпункт (b) пункта 2 основан на статье 5 ТЗЭПЗ и статьях 7 и 13 КЭС и уточняет, что пункт 1 не устанавливает требований в отношении раскрытия информации. Хотя ранее в процессе разработки предлагалось рассмотреть вопрос о раскрытии информации перед заключением договора (A/CN.9/1125, п. 32), [документ] отсылает к другому законодательству по вопросам, касающимся раскрытия информации между сторонами, избегая тем самым создания двойного режима (см. п. 12 выше). Тем не менее подпункт (b) указывает на то, что раскрытие информации о структуре или функционировании системы (например, как того могут требовать стандарты прозрачности для ИИ, применяемые в соответствии с другим законодательством) может иметь значение при применении в контексте автоматизированного заключения договоров норм договорного права (там же).

63. Помимо ограниченной сферы применения статьи 8, [документ] предполагает, что к результатам работы автоматизированных систем применимы нормы об ответственности в соответствии с другим законодательством. В ходе разработки [документа] было признано, что внедрение систем, использующих методы ИИ, может затруднить применение этого законодательства из-за опасений по поводу объяснимости и отслеживаемости таких результатов (A/CN.9/1125, пп. 49–55, 57).

²³ Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах, сноска 2 выше, п. 230; A/CN.9/484, п. 108.

9. Статья 9. Недопустимость освобождения

64. Статья 9 первоначально была сформулирована как требование обеспечить соответствие структуры, ввода в эксплуатацию и функционирования автоматизированной системы применимому законодательству (см. [A/CN.9/1125](#), п. 66). Поскольку [документ] в большей степени касается сторон, которые используют автоматизированные системы для заключения и исполнения договоров, а не лиц, которые обеспечивают функционирование системы (например, третьей стороны, выступающей оператором платформы и предлагающей использование системы в качестве услуги), в процессе разработки [документа] было сочтено, что это положение следует пересмотреть и указать, что договаривающаяся сторона не может использовать автоматизированную систему для уклонения от соблюдения применимого законодательства ([A/CN.9/1162](#), п. 57). *[Статья 9 является новой. Если она будет сохранена, пояснительные замечания будут основываться на замечаниях, содержащихся в документе A/CN.9/1179.]*
